

С. Л. Кушнерук

г. Челябинск

КОНЦЕПЦИЯ РОБЕРТА ДЕ БОГРАНДА И ТЕОРИЯ ТЕКСТОВЫХ МИРОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯЦИИ

Вклад Роберта де Богранда в американскую и европейскую лингвистику невозможно переоценить. Аналитическое творчество всемирно известного ученого неразрывно связано с развитием самых разнообразных лингвистических дисциплин – общей, прикладной, корпусной лингвистики, лингвистики текста, дискурсивного анализа, грамматики английского языка, а также педагогики и методики его преподавания. На этом фоне мы не преследуем цель охватить все многообразие его публикаций, отличающихся по целям и задачам. Нас, прежде всего, интересует оригинальная концепция де Богранда, имеющая отношение к теории текстовых миров, активно разрабатываемой в зарубежной лингвистике. Свою задачу мы видим в том, чтобы найти корреляции между двумя концепциями, воплощающими представления о способах репрезентации знаний [2, 3, 4, 5].

Идея о том, что любое знание существует в виде ментальных репрезентаций, находит все больше сторонников. В. З. Демьянков и Е. С. Кубрякова полагают, что репрезентации составляют важную часть нашего сознания: «мы всегда, когда нам это кажется нужным, можем представить себе на внутреннем «экране» любой объект, любую ситуацию – как из числа реальных окружающих нас предметов или лиц, так и из числа воображаемых событий» [1: 14–15].

Чтобы оценить научную популярность исследований дискурса в терминах репрезентационных структур за рубежом, достаточно указать на эвристики Дж. Лакоффа [6], Ч. Филлмора [8], Р. Лангакера [15], Ж. Фоконье [11] и, конечно, Р. де Богранда. Более тридцати лет назад в знаковых работах «*Text, Discourse and process*» [9] и «*Introduction to Text Linguistics*» [10] (совместно с В. Дресслером) он сформулировал идеи, которые, как нам представляется,

оказались важными для самоопределения целого научного направления, в настоящем известном как *Теория текстовых миров*.

Несмотря на то, что публикаций, посвященных собственно исследованию текстовых миров, у него мало, Богранд заложил концептуальный фундамент для актуальной сейчас области когнитивной лингвистики. Без учета деятельности американского ученого нельзя представить названную теорию в том виде, который она приобрела в когнитивно-дискурсивной грамматике Пола Верта – ее идейного вдохновителя и основоположника [20]. Тот факт, что многие сторонники и последователи Верта, – Д. Гевинс [12, 13], Л. Идальго Даунинг [14], Е. Семино [17], П. Стоквелл [18], – также имеют своим предтечей Р. де Богранда, легко устанавливается анализом многочисленных ссылок на его работы, что еще раз подтверждает незаурядность фигуры последнего.

Мысль Р. де Богранда о том, что языковое выражение не служит контейнером для своего значения, а выступает стимулом процессов конструирования смысла, конечно, не претендует на новизну. Но это не делает рассуждения ученого менее интересными. Он ставит вопрос не о том, как слова соотносятся с объектами действительности, а о том, как языковые выражения активируют знания о мире. Значение возникает как процесс взаимодействия людей. Сущность языка усматривается в человеческой активности, то есть деятельности одного человека по производству высказываний, понятных другому, и деятельности второго по пониманию того, что передает первый. Языковым выражениям приписываются концептуальные смыслы, которые ложатся в основу понимания текста. Заимствуя идеи активной интерпретации из процедурной семантики, Р. де Богранд признает, что связность текста во многом определяется тем, как усваивается, хранится и используется знание. Для того чтобы в полной мере оценить значение этих идей, следует вспомнить, что является методологической основой в изучении дискурса сторонниками теории текстовых миров.

Дискурс считается сложным социопсихолингвистическим феноменом, который включает процесс языковой деятельности, вписанной в определенный социальный контекст, и ее результат, вербально-знаковую форму – текст. В процессе совместной языковой деятельности продуцент и реципиент выстраивают «миры», или ментальные репрезентации, – осознаваемые ментальные образования, воспроизводящие реальность человеческого представления через образы предметов и явлений при порождении и понимании речи. «Мир» иерархичен по структуре. Его высший уровень представлен дискурсивным миром, в котором есть участники, «различные аспекты перцепции ими непосредственной ситуации и общие предпосылки» [7: 23]. Участники далее создают «мир второго уровня» – текстовый. Оба являются ментальными конструктами, поскольку формируют концептуальные репрезентации отдельных сторон действительности. Если *дискурсивный мир* – это контекст ситуации вокруг речевого события, то *текстовый мир* мыслится как концептуальный сценарий, представляющий существующее положение дел [20].

Наше внимание будет в основном сосредоточено на текстовом мире, поскольку именно это понятие является своеобразной точкой, вокруг которой обе концепции демонстрируют общность ориентации, имея много различий во всех прочих отношениях. Вначале обратимся к рассуждениям американского ученого. **ТЕКСТУАЛЬНЫЙ / ТЕКСТОВЫЙ МИР (textual world) – это когнитивный коррелят знания, активируемого текстом в употреблении.** Согласно де Богранду, конфигурация концептов и отношений между ними, лежащая в основе текста, и есть текстовый мир, который имеет сходства или отличия от мира реального. Концепт рассматривается как структура когнитивного содержания, которая более или менее целостно и последовательно активируется в сознании человека.

Текстовый мир, по справедливому замечанию де Богранда, существует только в сознании пользователей. Поэтому проблема интерпретации решается

им через построение моделей, состоящих из концептов и отношений, характеризующих соответствующую область знаний. **МОДЕЛЬ ТЕКСТОВОГО МИРА** воспринимается как некая **идеализация когнитивных категорий, вовлеченных в процесс интерпретации**. Она служит основой изучения таких проблем, как 1) формирование «сути» текста; 2) хранение текста и последующее обращение к нему; 3) управление и замена невостребованных компонентов. Предполагается, что модель текстового мира встроена в **МОДЕЛЬ СИТУАЦИИ**. А модель ситуации рассматривается в неразрывной связи с **ПЛАНАМИ** и **ЦЕЛЯМИ** участников (в данном случае цель – это модель желаемой будущей ситуации). В этом отношении нужно отметить, что Р. де Богранд анализирует и развивает многие вопросы, прежде поставленные Яносом Петефи [16].

Существенную сложность представляет вопрос о природе **МИРА**, то **есть совокупности информации, представленной в данном контексте**. Текстовый мир обладает потенциалом целостности. Пространство между концептами, представленными текстом, могут заполняться или обогащаться за счет знаний о событиях, действиях, объектах и ситуациях. Связность достигается как результат объединения концептов и отношений между ними в сеть, состоящую из пространств знаний вокруг главных тем. Это происходит при взаимодействии трех факторов. 1. **Расширение активации** имеет место, когда информация, приведенная в тексте, взаимодействует с информацией, хранимой в сознании читателей. 2. Пробелы, возникающие в пространстве знания, заполняются благодаря **инференции**. 3. Процесс **обновления** изменяет текстовый мир в соответствии с тем, что признается истинным в любой момент развития ситуации.

Расширение активации, инференция и обновление вносят существенные изменения в первоначальные данные. Взаимодействие знаний, представленных в тексте и хранимых в памяти, описываются в терминах **ПРОЦЕДУРНОГО**

ПРИСОЕДИНЕНИЯ: активная область знаний устанавливает и осуществляет контроль за тем, чтобы текстовый мир выстраивался достаточно эффективно.

Не претендуя на исчерпывающее описание, типология концептов и отношений Р. де Богранда представляется логичной для анализа текстового мира с позиций **ЦЕНТРОВ КОНТРОЛЯ**, то есть точек отсчета, дающих начало процессам конструирования смыслов.

Выделяются **I. Концепты первого уровня (ОБЪЕКТЫ, СИТУАЦИИ, СОБЫТИЯ, ДЕЙСТВИЯ)** и **II. Концепты второго уровня.**

I. Первичные концепты являются центрами контроля, от которых «процессор» устанавливает отношения с концептами второго уровня. **ОБЪЕКТЫ** – концептуальные сущности со стабильной структурой или идентичностью. **СИТУАЦИИ** – конфигурации наличных объектов и их положения. **СОБЫТИЯ** – происшествия, которые изменяют ситуацию или состояние ситуации. **ДЕЙСТВИЯ** – события, намеренно осуществляемые каким-либо лицом.

II. Типология концептов второго уровня более детальна.

A. Характеристика событий, действий, объектов и ситуаций.

СОСТОЯНИЕ описывает текущее / временное состояние сущности (*море – штормит*). **ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО** – сущность, наделенная способностью выполнять действие и изменять ситуацию (*генерал – ведет в атаку*). **ПАССИВНЫЙ УЧАСТНИК** – сущность, не проявляющая активность в ситуации, которую изменяет какое-то событие или действие (*Джон застрелил Мэри*). **ОТНОШЕНИЯ** – описывают взаимоотношения между людьми (*отец, муж, начальник*). **ХАРАКТЕРИСТИКА** соотносится с сущностными свойствами (*море – соленое*). **МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ** устанавливает пространственную локализацию концепта (предлоги *у, в, из, рядом, над* и др.). **ВРЕМЯ** объединяет все показатели времени – абсолютного (даты), относительного (*вскоре, затем, до, после*). **ПЕРЕДВИЖЕНИЕ** отражает изменение места, которое занимает сущность (*бежать, вставать, приезжать,*

уезжать). ИНСТРУМЕНТ обозначает объект, являющийся средством актуализации события или выполнения действия (*топливо – двигаться вперед, ножницы – резать*). ФОРМА связывает сущности с представлениями об очертаниях и контурах (*блок – глыбистый*). ЧАСТЬ связывает сущность с ее компонентами, или частями (*автомобиль – двигатель, Фред – рука Фреда*). СОСТАВ обозначает материал, из которого состоит сущность (*автомобиль – металл, Фред – ткань*). ВКЛЮЧЕНИЕ описывает отношения между сущностями, при которых одна вмещает другую (*автомобиль – Фред, Фред – шесть бутылок пива*). ОСНОВАНИЕ: событие 1 является мотивом события 2, если событие 1 создает необходимые условия для события 2 (*рана – боль, кража – убыток*). ВОЗМОЖНОСТЬ: событие 1 дает возможность осуществления события 2, если событие 1 создает достаточные, но не обязательные условия для события 2 (*невнимательность – рана, отсутствие хозяина – кража*). КОЛИЧЕСТВО отмечает связи между сущностью и понятиями числа, протяженности, массы и других размеров (*килограммы, численные показатели*).

Б. Характеристика опыта человека.

ПРИЧИНА: событие 1 является причиной события 2, если инициатор события 2 разумно реагирует на событие 1 (*рана – беспокойство, удача – счастье*). ЦЕЛЬ: Событие 2 является целью события 1, если инициатор события 1 имеет план, согласно которому событие 1 должно способствовать возникновению события 2 (*предупреждение – осуществить побег, воровство – стать богатым*). ВОСПРИЯТИЕ соотносит сущности, наделенные свойствами восприятия, с операциями, посредством которых знание интегрируется напрямую через органы чувств (*ученый – наблюдает*). Сюда же относятся примеры имитационного моделирования (*радар – отслеживает маршрут полета*). ПОЗНАНИЕ соединяет сущности, наделенные свойствами восприятия, с когнитивными операциями (*Эйнштейн – представляет себе, Роджер Шенк – думает*). ЭМОЦИИ соединяет сущности, наделенные

свойствами восприятия, с состояниями возбуждения или уныния (*Фред – в бешенстве, Мэри – в восторге*). ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ соединяет сущности, наделенные свойствами восприятия, с проявлениями воли или желания (*жители – хотят, Джимми Картер – тщетно надеется*). ОБЩЕНИЕ соединяет сущности, наделенные свойствами восприятия, с деятельностью выражения и передачи знаний (*Фред – говорит, Ноам – читает лекцию*). ОБЛАДАНИЕ описывает отношения, при которых сущность, наделенная свойствами восприятия, владеет другой сущностью (*Фред – имеет*). Сюда же относятся операторы начала действия (*давать*), фактического вступления в действие (*покупать*), завершения действия (*увозить*) и выхода из деятельности (*продавать*). МОДАЛЬНОСТЬ отмечает отношения между сущностью и понятием модальности (вероятно, возможно и т.п.) (*отъезд – невозможен*). Модальность включает отрицание, которое часто передается через модальные глаголы (*should, can't, musn't*).

В. Характеристика класса.

ОБРАЗЕЦ устанавливает взаимоотношения между классом и одним из его представителей (*автомобили – драндулет Фреда*). СПЕЦИФИКАЦИЯ устанавливает отношения между суперклассом и субклассом (*автомобили – автомобили с откидным верхом*).

Г. Характеристика отношений.

ЗАПУСК указывает на то, что отношения были инициированы какой-либо действующей силой или средством (*взлет – движение, которое запускается, а полет нет*). ЗАВЕРШЕНИЕ указывает на завершение действия некоторой силой или средством (ср. *приземляться* и *снижаться*). ВХОД отмечает, что сущность только вступает в отношения, еще не осуществляя процесс (*заболеть* указывает на вход в состояние, но не само состояние болезни). ВЫХОД указывает на то, что сущность выходит из отношений (*оправляться от болезни*). ПРОСТРАНСТВЕННАЯ БЛИЗОСТЬ отмечает посредничество или расстояние в отношениях (*ближайший, соседний, в скором времени*).

ПРОЕКЦИЯ указывает на то, что имеется возможность установить отношения, но в текстовом мире она еще не реализована (*если он придет,..*).

Д. Характеристика непредвиденных обстоятельств символической коммуникации.

ЗНАЧИМОСТЬ отмечает случаи, когда утверждается, что два концепта находятся в символических отношениях (*жест – имеет значение*). ЦЕННОСТЬ применяется для характеристики концепта с точки зрения стоимости (*бриллиант – дорогой*). Такие отношения могут демонстрироваться в сравнении (*брэнд X лучше, чем брэнд Y*). ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ описывает отношения равенства, сходства, соответствия и т.п. (*high – lofty, высокий; dark – somber, темный*). Такой тип часто предполагает близость, или тесное соседство (*темный – серый, поцелуй – ласка*). ПРОТИВОПОСТАВЛЕННОСТЬ отмечает отношения, обратные эквивалентным (*высокий – низкий, темный – светлый*). КОРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОСТЬ устанавливает отношения между концептами, различающимися по внутреннему содержанию, но используемые для обозначения одной и той же сущности текстового мира (*утренняя звезда – вечерняя звезда*). РЕККУРЕНТНОСТЬ устанавливает отношения между двумя случаями употребления одного концепта текстового мира без обязательной отсылки к одной и той же сущности (*it fell to the earth near mounds of earth, букв. оно упало на землю рядом с кучами земли*).

Данная классификация, как кажется, достаточно репрезентативна и последовательна теоретически, но сложна в практическом плане. Хотя Р. де Богранд применяет ее к построению модели текста [9], мы сознательно не используем его пример, считая нецелесообразным повторять трудоемкую процедуру воссоздания целой серии рисунков, которая описывает модель небольшого по объему иллюстративного материала. Дело в том, что анализ отношений между концептами в теории де Богранда занимает более десятка страниц, включая рисунки, сокращения и стрелки, указывающие направления концептуализации. При всей убедительности его рассуждений относительно

нескольких абзацев повествования, нельзя не признать, что подобная работа оказывается неоправданно трудной, слишком детальной, запутанной, чтобы найти адекватное применение для анализа больших по объему текстов или корпуса текстов, объединенных какой-либо тематикой вокруг той или иной дискурсивной ситуации. Этим, мы считаем, объясняется тот факт, что попытки использования предложенного автором алгоритма не получили широкого распространения. В известном смысле концепция П. Верта является гораздо более продуктивной. Голландский ученый предполагает, что информация, представленная в текстовом мире, конфигурируется на основе четырех ключевых параметров: место, время, действующие лица и объекты [19].

Место и время могут эксплицироваться различными языковыми средствами. Дж. Гевинс классифицирует пространственные дейктики, выделяя локативы (*in Sheffield, downstairs, abroad*), пространственные наречия (*here, there, far away*), демонстративы (*these, those, that*), глаголы движения (*come, go, run away*). Исследовательница подчеркивает, что время часто концептуализируется как пространственный феномен. К числу средств, устанавливающих временные параметры, относятся локативы (*in ancient times, three months ago, in future years*), наречия времени (*today, yesterday, tomorrow*), а также варьирование временем и аспектом. Дейксис не ограничивается указанными категориями, в строительном арсенале имеются личные местоимения (*I, she, you, it*), определенный артикль и определенная референция в целом (*the dog, Fido*) [13: 36–37].

Место и время являются первостепенными, но не единственными строительными элементами текстового мира. Поскольку в теории П. Верта акцент делается не только на том, как создается текст, но и как на его производство и восприятие влияет контекст, текстовый мир является вторым в иерархии по отношению к дискурсивному. С этой точки зрения вполне обосновано выделение параметра *Действующие лица*, который включает *участников и персонажей*. При этом термином *участники* обозначаются

коммуниканты дискурсивного мира, то есть говорящий (отправитель) и слушающий (получатель). Наличие, по крайней мере, одного говорящего / пишущего и одного слушающего / читающего – обязательное условие существования дискурсивного мира, поскольку именно участники коммуникации определяют характер взаимодействия. Каждый из них имеет личный культурно-детерминированный опыт. Апеллируя к тем или иным фоновым знаниям, коммуниканты вносят часть «багажа» личного опыта в каждое языковое событие. Такой «груз» не отягчает условий коммуникации, а задает параметры дискурсивного мира, оказывая влияние на выбор используемых языковых средств, предопределяющих интерпретацию.

Прилагая обоюдные усилия, участники выстраивают текстовый мир на основе взаимодействия информации, представленной в тексте, и знаний, привнесенных в дискурсивную ситуацию каждым из взаимодействующих субъектов. В текстовом мире фигурируют *персонажи*. Некоторые из них активные исполнители, другие – пассивные наблюдатели, чье присутствие, тем не менее, осознается. Термин *объекты* понимается широко и включает не только физические предметы, но массы, скопления, силы, а также концепты, представляющие абстрактные понятия и эмоции. Термин *сущности* становится зонтичным для обозначения персонажей и объектов, населяющих текстовый мир.

Вышеперечисленные параметры формируют каркас текстового мира. Они называются конструктивными элементами текстуального уровня. Параллель с концепцией Р. де Богранда легко обнаруживает их сходство с концептами первого уровня как отправными точками интерпретации. Если американский ученый далее прослеживает связь с концептами второго уровня, то П. Верт говорит о том, что отклонение от любого из базовых параметров ведет к созданию производного текстового мира (*subworld* в терминологии П. Верта, *субмира* в аналитическом обзоре Е. В. Лозинской [7: 24]). Это третий уровень его иерархии.

Производный мир отличается неповторимой спецификой и выполняет функции детализации представленной в исходном мире ситуации. Поскольку адресаты склонны выстраивать миры в зависимости от личного культурного опыта и их наполнение может существенно отличаться от того, что первоначально планируется отправителем, обдумывая сообщение, автор должен сконцентрироваться на том, как наилучшим образом реализовать поставленные коммуникативные цели. В числе производных миров выделяются три типа.

- *Дейктические субмиры* возникают в результате отклонений от основных параметров текста по инициативе участников или персонажей и установления новых указаний на время, место, объекты и пр. Ретроспективное изменение временных (и/или пространственных) координат текста погружает читателя в другое время и место, чему в ряде случаев способствует употребление глаголов *remember* и *recall*.

- *Аттитюдные субмиры* делятся на три области когнитивной активности – желания, убеждения и намерения. Строительными элементами мира желаний являются глаголы *wish, want, hope, dream*. В широком смысле, предикаты, выражающие желания, выстраивают более или менее удаленные миры, предписывающие, какие условия нужно выполнить, чтобы желаемое осуществилось. Миры убеждений открываются глаголом *believe*. Они возникают, когда участник выражает определенную степень веры сказанному. Миры намерений включают обещания, предложения, команды, просьбы, имеющие отношения к выполнению действий в будущем.

- *Эпистемические субмиры* охватывают события, удаленные от исходного текстового мира или гипотетически в нем представленные. Поэтому основными строительными элементами названы конструкции, содержащие условия (*conditional constructions*), косвенная речь, модальные глаголы *must, could, might*, а также глаголы *think* и *suppose* [12: 20–22]. Переключение между мирами происходит в процессе развертывания текста, динамику которого

определяют пропозиции, обеспечивающие функциональное продвижение. К элементам, обеспечивающим функциональное развитие, относятся действия, события, аргументы, а также любые утверждения о сущностях, населяющих текстовый мир.

Другая значимая корреляция между обсуждаемыми концепциями обнаруживается в плане общекогнитивных механизмов формирования смысла. В обоих случаях признается особая роль прошлого опыта, который служит основой для осмысления простых и сложных сущностей. Текстовый мир объединяет значительно больше смыслов, чем выражено поверхностными структурами. Когнитивные процессы активируют общий фонд знаний, постоянно пополняемый каждым из коммуникантов.

В этом плане непротиворечиво выглядит ход рассуждений П. Верта о том, что текстовый мир заполняется фреймами – когнитивными структурами закрепленных культурой представлений и ожиданий, проистекающих из прошлого опыта поведения в подобных ситуациях. Так текстовый мир насыщается значимыми деталями. Подчеркивается, что в действие приводятся только те фреймы, которые имеют непосредственное отношение к предъявляемому содержанию. Процесс, посредством которого сортируются и «запускаются» необходимые области знания, обозначается *принципом текстовой обусловленности* (the principle of text-drivenness) [13: 59–61]. Этот принцип выполняет функции контрольного клапана, стоящего на большой емкости личных знаний, который приводится в действие каждым из коммуникантов. При этом именно конструируемый текстовый мир определяет, какие сферы необходимо активировать для переработки и понимания имеющегося дискурса [13: 29].

Эти идеи голландского ученого в значительной степени созвучны представлениям Р. де Богранда. Их объединяет убеждение в том, что текстовый мир конструируется из когнитивного содержания. Вместе с тем де Богранд акцентирует внимание на сложном и часто *приблизительном* (курсив мой –

С. К.) сравнении данных с имеющимися у человека знаниями о реальном мире. Возникает альтернативная трактовка референции. Кажется естественным рассматривать феномен не как отнесенность языковых выражений к объектам действительности, а как сложный процесс сличения с образцом (*pattern-matching*), результатом которого может быть как соответствие, так и несоответствие здравому смыслу, что приводит к осознанию положения дел как вымышленного. Вместе с тем существуют непредвиденные обстоятельства или факторы, которые оказывают влияние на акт референции: тип и цель текста, значимость текста в данной ситуации, доверие к создателю текста, созданное предшествующим опытом, а также тематические материалы, используемые для конструирования текстового мира. В целом, их значимость признается автором, но в предложенной методике им уделяется меньше внимания, чем, как нам представляется, необходимо для того, чтобы дать более целостное описание реально протекающих процессов человеческого общения.

Мы активизируем знания о мире согласно «наивной психологии». На этом, в частности, строится аргументация де Богранда относительно того, что у человека нет мотивов, чтобы настаивать на предоставлении исчерпывающей, точной, логически верной информации. Вполне удовлетворительными оказываются рассуждения на основе здравого смысла, которые соотносятся с тем, что знают многие представители языкового сообщества. Фактически, это справедливо для всех коммуникативных процессов, иначе бы в большинстве ситуаций люди просто не понимали друг друга. Кроме того, чрезмерно упорядоченная база знаний повлекла бы гораздо более трудоемкие процедуры ее использования и нахождения соответствий. Именно «приблизительные совпадения» делают когнитивную базу такой универсальной и легко адаптивной к условиям коммуникации.

Доказательна инициатива Р. де Богранда относительно того, что, хотя текст не всегда репрезентирован последовательностью законченных предложений, это не мешает его удовлетворительному пониманию со стороны

реципиентов. Он анализирует пример рекламы, взятый из газеты «*the Florida Independent Alligator*» (October 18, 1978) [9], который мы приводим в качестве иллюстрации.

PIZZAMAN EXPRESS

WE DELIVER

50¢ OFF ANY PIZZA

plus 2 free cokes

Wednesday only

Open at 11:00 A.M.

Текст был предъявлен группе студентов университета Флориды с заданием определить, чего не хватает. Когда большинство ответили, что они не заметили, что что-то отсутствует, ученый сделал вывод о ключевой роли инференции, когда понимание речевого произведения становится возможным при активном установлении связей между фрагментами на основе общего знания, разделяемого участниками. «*Pizzaman Express*» – это название пиццерии, управляющие которой (*we*) следят за тем, чтобы выполнялась доставка (*deliver*). *Pizza* и *cokes* конкретизируют, что именно доставляется. Цены выражаются через количественные показатели (*50¢*, *free*). Из когнитивного фонда извлекаются представления о работе ресторанов, – активизируется соответствующий скрипт (*restaurant script*), что вместе с сопоставлением текстовых фрагментов обеспечивает адекватную интерпретацию рекламного произведения. Данный пример наглядно демонстрирует, что построение модели текстового мира рекламного произведения является конструктивным процессом, который предполагает, что знания, эксплицитно представленные текстом, вступают во взаимодействие с информацией, извлекаемой из контекста и имплицитных умозаключений, основывающихся на знаниях о мире.

Итогом предложенных в настоящей статье размышлений считаем следующие выводы. Несмотря на то, что концепция Р. де Богранда и теория текстовых миров описываются авторами при помощи специальных, нередко

присущих только им терминов, в них прослеживается много общего на концептуальном уровне. Оба подхода согласуются с ведущим методологическим принципом когнитивной лингвистики: по фактам языка делать выводы о структурах сознания. Ученых объединяет стремление интерпретировать когнитивные процессы, лежащие в основе человеческой коммуникации. Они обращаются к ментальным структурам, механизмам, релевантным при порождении и восприятии высказываний. Моделирование текстового мира признается важным способом исследования особенностей концептуализации информации, представленной в дискурсе. При этом текстовый мир считается ментальным конструктом, возникающим в сознании как результат человеческой способности сочетать эксплицитно выраженную текстовую информацию и фоновые знания.

Концепция Р. де Богранда по праву претендует на место одной из общих методологических предпосылок, лежащих в основе теории текстовых миров, активно разрабатываемой в зарубежной лингвистике. Последователи П. Верта заимствуют не механизмы анализа текстовых миров, а развивают важнейшие содержательные установки теории американского ученого, предполагающие, что расширение активации, инференция и обновление осуществляются в соответствии с текущими условиями коммуникации специально для целей конкретного дискурса.

Хотя Р. де Богранд открыто не говорит о возможностях уровневого изучения дискурса, он подчеркивает «чувствительность» знания и значения к контекстам употребления. Он пишет о том, что модель текстового мира встроена в модель ситуации, которая неотделима от планов и целей участников. Не пользуясь терминами, принятыми в теории текстовых миров, ученый, по сути, называет то, что в рамках концепции П. Верта описывается как отношения включения текстового мира в дискурсивный.

Синтез достижений Р. де Богранда и теории текстовых миров может рассматриваться как первое приближение к формированию методологического

субстрата, необходимого для проведения уровневого анализа дискурса. Такие исследования могут способствовать зарождению отечественной традиции комплексного изучения миров с учетом текстовых и дискурсивных параметров и внести существенный вклад в развитие данного направления в России.

Библиографический список

1. Кубрякова Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – №4. – 2007. – С. 8–16.
2. Кушнерук С. Л. Личные местоимения как языковые маркеры пересечения текстовых миров в рекламе [Текст] / С. Л. Кушнерук // Вестник Челябинского государственного университета. – 36 (137). – Вып. 27. – Филология. Искусствоведение. – 2008. – С. 85–89.
3. Кушнерук С. Л. Методологический потенциал теории текстовых миров в исследованиях дискурса [Текст] / С. Л. Кушнерук // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры. Материалы междунар. конф. 19–21 июня 2009 г. – М. – Ярославль: Ремдер. – 2009. – С. 254–258.
4. Кушнерук С. Л. Образ президента – визитная карточка России: текстовые миры прессы, адресованной зарубежным читателям [Текст] / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. – №3 (33). – Екатеринбург. – 2010. – С. 87–92.
5. Кушнерук С. Л. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики [Текст] / С. Л. Кушнерук // Вопросы когнитивной лингвистики. – №1. – 2011. – С. 45–51.
6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф. – М., 2004.
7. Лозинская Е. В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор [Текст] / Е. В. Лозинская. – М., 2007.

8. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике / В. В. Петров, В. И. Герасимов (ред.). – XXIII. – М., 1988. – С. 52–92.
9. Beaugrande R. de 1980: Text, Discourse and Process: Toward an interdisciplinary science of text. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum. XV. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.beaugrande.com/TDPCHAPTERTHREE.htm>
10. Beaugrande R. de, Dressler W. 1981: Introduction to Text Linguistics. London: Longman. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.beaugrande.com/>
11. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language [Текст] / G. Fauconnier. – Cambridge: Cambridge University Press. XLVI. – 1994.
12. Gavins, J. Absurd Tricks with Bicycle Frames in the Text World of *The Third Policeman* [Текст] / J. Gavins // Nottingham Linguistic Circular. 15. – 2000. – pp. 17–33.
13. Gavins J. Text World Theory: An Introduction [Текст] / J. Gavins. – Edinburgh Univ. Press, 2007.
14. Hidalgo Downing L. Negation, Text Worlds and Discourse: The Pragmatics of Fiction [Текст] / L. Hidalgo Downing. – Stanford, CA: Ablex, 2000.
15. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II: Descriptive Application [Текст] / R. Langacker. – Stanford: Stanford University Press, 1991.
16. Petöfi J. Vers une théorie partielle du texte [Текст] / J. Petöfi. – Hamburg: Buske, 1975.
17. Semino E. Language and World Creation in Poems and Other Texts [Текст] / E. Semino. – Longman: London and New York, 1997.
18. Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction [Текст] / P. Stockwell. – London: Routledge, 2002.

19. Werth “World Enough and Time”. Deictic Space and the Interpretation of Prose [Текст] // Twentieth Century Fiction: From Text to Context. – New York: Routledge, 1995. – pp. 183–184.

20. Werth P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse [Текст] / P. Werth. – London: Longman, 1999.